

Ю. А. ГОЛУБКИН КАК МЕДИЕВИСТ

ЦВЕТOK ШАФРАНА В РЫЦАРСКОЙ ПЕРЧАТКЕ: «НА ТОМ СТОЮ И НЕ МОГУ ИНАЧЕ»

В одной из последних статей Юрия Алексеевича Голубкина, посвященной предмету его глубокого интереса и неустанных научных изысканий – жизненному пути и творческому наследию Мартина Лютера – есть следующие строки, описывающие возвращение Лютера из Вартбурга в Виттенберг: «... Заснеженные дороги, ночь, одинокий всадник, который упорно и неустрашимо пробивается сквозь пургу к какой-то возвышенной, ведомой лишь ему одному цели». В них, как и во всех иных текстах, вышедших из-под пера Ю. А. Голубкина, ярко проявились особенности его научного дарования – пристальное внимание к образности текста, мельчайшим подробностям и деталям, которыми, на поверхностный первый взгляд, можно было бы и пренебречь, взвешенный, многожды выверенный и перепроверенный, доходящий до придирчивости выбор наиболее точного словесного выражения и оформления мысли, поистине писательский, художественный дар слова.

Вместе с тем именно эти строки как нельзя лучше подходят для отображения личности самого Юрия Алексеевича, того восприятия Человека, Ученого, Преподавателя, которое складывалось при общении с ним у родных и друзей, коллег и учеников. Безупречный средневековый рыцарь или бесстрашный верный мушкетер, неизменно следующий единожды избранному пути служения высокому идеалу без каких-либо, пусть даже малейших, отступлений и поблажек к самому себе – именно те образы, которые достоверно передают внутренний этос жизненной позиции Ю. А. Голубкина в ее целостности, без какого-либо деления на составляющие, важные в большей или меньшей степени.

Отстаиваемые Юрием Алексеевичем идеалы были частью его внутренней сущности и проявлялись во всём, чем ему довелось заниматься. Для него не существовало проходных, дежурных, малозначительных вещей, рутинного отбывания службы. Во всем, чему уделял свое время и силы, Ю. А. Голубкин видел составляющие того пути к «возвышенной цели», к которой шел всю жизнь. Именно благодаря этому свою биографию он всегда писал набело, не допуская скомканных страниц и кривых сюжетных линий в выброшенных черновиках. В то же время сама жизнь Ю. А. Голубкина, его работа преподавателя, долженствующего быть образцом для учеников во всех отношениях, наконец, специализация медиевиста, в особенности предмет его научных изысканий, в

значительной степени способствовали формированию присущего ему мировосприятия, требовательного отношения к себе и окружающим.

Родился Юрий Алексеевич 5 апреля 1941 г. в семье Алексея Константиновича и Анастасии Ивановны Голубкиных в Москве, где после окончания военного училища служил его отец. Начало войны застало семью в лагере в г. Солнечногорск, откуда А. К. Голубкин был направлен на фронт, а Анастасия Ивановна, закончившая медицинское училище, с тяжело заболевшим трехмесячным сыном отправилась к родителям в Воронежскую область, где работала фельдшером. Семья воссоединилась в Москве, где с 1944 г. по 1947 г. учился в Военной академии Алексей Константинович. Получив после окончания академии звание подполковника, он был направлен на службу в г. Гродно (Белоруссия), где Юрий Алексеевич пошел в первый класс.

Кочевая гарнизонная жизнь не давала семье надолго осесть в одном месте, и Ю. А. Голубкину довелось учиться в школах многих украинских городов, в которых служил его отец: Коростеня, Бердичева, Хмельницкого, Луцка и ряда других. В 1957 г. А. К. Голубкина перевели на службу в ГДР, где Юрий Алексеевич окончил в 1958 г. советскую среднюю школу в г. Веймаре.

После окончания школы Ю. А. Голубкин, избрав специальность юриста, поступал на юридический факультет Львовского государственного университета имени Ивана Франко. Успешно сдав вступительные экзамены и даже отработав положенное время на благо университета, он был отчислен из списка поступивших, поскольку не имел стажа работы, необходимого для поступления.

В 1960 г., проработав почти два года разнорабочим и грузчиком в г. Луцке Волынской области, Юрий Алексеевич вновь подал документы на поступление в Львовский университет, однако на этот раз избрал не юридический, а исторический факультет, на котором учился до четвертого курса. В 1964 г. он перевелся в Харьковский университет, поскольку в то время в Харьков переехали его родители, и окончил пятый курс на историческом факультете ХГУ. Руководителем научной работы Ю. А. Голубкина стал в это время Генрих Венецианович Фризман, который, обратив внимание на глубокое знание студентом немецкого языка, рекомендовал ему заняться изучением Реформации в Германии и прежде всего деятельностью Мартина Лютера. С тех пор не только научная деятельность Юрия Алексеевича, но и вся его жизнь оказались тесно связаны с разносторонним исследованием жизненного пути и творческого наследия Лютера.

Впрочем, выбор тематики научной работы должен был еще окончательно определиться, и Ю. А. Голубкин начал работу над своей

кандидатской диссертацией не сразу после окончания университета. С 1965 г. по 1970 г. он работал учителем истории в г. Кировске Луганской области, служил в рядах Советской Армии, работал воспитателем Харьковской спецшколы для несовершеннолетних правонарушителей. В это же время молодой специалист поступил в заочную аспирантуру на кафедру истории средних веков Харьковского университета.

Проблемой было и то, что, при всей глубокой эрудированности и знании истории средневековья непосредственные наставники Юрия Алексеевича – талантливые харьковские медиевисты Генрих Венецианович Фризман, Анатолий Иванович Митряев, Андрей Петрович Ковалевский, ставший впоследствии официальным научным руководителем кандидатской диссертации Юрия Алексеевича, не были специалистами по истории Реформации в Германии. Это побуждало молодого ученого в значительной степени самостоятельно, без профессиональной помощи старших коллег, а подчас и наперекор их настойчивым советам и пожеланиям искать свои подходы и прокладывать оригинальные пути к материалам изучаемой эпохи, развивать и отстаивать в полемике собственные идеи и концепции исследования.

Из харьковских медиевистов, пожалуй, лишь Любовь Павловна Калущая, исследования которой по истории Франции XVI – первой половины XVII вв. ближе всего хронологически и отчасти тематически подходили к проблематике, разрабатывавшейся Ю. А. Голубкиным, могла помочь ему действительно глубоко профессиональным советом. Именно она способствовала поступлению молодого специалиста в аспирантуру и позже его зачислению в штат кафедры истории средних веков, и не случайно потом Юрий Алексеевич, с благодарностью вспоминая своих старших наставников, всегда на первое место ставил именно ее имя.

Отсутствие научного руководителя – узкого специалиста по разрабатываемой Ю. А. Голубкиным тематике не было, впрочем, лишь отрицательным в плане его становления как исследователя. Напротив, оно способствовало раннему проявлению научной самостоятельности историка, приучало полагаться преимущественно и даже исключительно на собственные силы и знания, следовать лишь сведениям источников, не считаясь с ошибочными мнениями других исследователей, даже если они были подкреплены громкими научными титулами, пристально выверять и тщательно перепроверять любую идею, каждое отстаиваемое в научной работе положение.

Все это способствовало становлению и многократному усилению чувства глубокой личной ответственности ученого за сделанное исследование и полученные результаты, за каждое слово своих научных текстов. Именно благодаря этому весомым вкладом в медиевистику стала защищенная в 1974 г. кандидатская диссертация Юрия Алексеевича

«Общественно-политические взгляды и позиция Мартина Лютера во время второго периода раннебуржуазной революции в Германии (1521–1524 гг.)».

Со столь же пристальной скрупулезностью подходил Ю. А. Голубкин и к подготовке своих учебных курсов после того, как начал работу на кафедре истории средних веков в 1970 г. За время сорокалетней работы на историческом факультете он блестяще преподавал общий курс истории средних веков и многочисленные авторские спецкурсы: «Источниковедение истории средних веков», «Историография истории средних веков», «Раннебуржуазная революция в Германии», «Реформация и Крестьянская война в Германии», «Медиевистика в Харьковском университете», «Религия и Церковь в Российской империи, Советском Союзе и независимых государствах, возникших после его распада», вел спецсеминар по истории гуманизма в Германии.

Лекции Юрия Алексеевича отличались безукоризненно филигранной точностью построения, не допускавшей каких-либо необязательных, пустых, бесполезных сведений, и в то же время обладали совершенной ювелирной красотой старательно отобранных примеров и сравнений, отступлений и дополнений, риторических вопросов и эмоциональных, порой эпатазирующих эскапад. Студентам навсегда запоминалась своеобразная манера чтения лекций, во время которых он прохаживался по аудитории с рапирой в руках, словно удерживая на ее острие ускользающую беспокойную мысль и сосредотачивая на ней внимание слушателей. И эта рапира становилась последним штрихом, делавшим предельно выразительным и наглядным тот образ рыцаря-мушкетера, посвятившего себя служению Прекрасной Даме, который возникал под впечатлением общения с ним.

Внутренняя сущность жизненной позиции ученого, исследователя и преподавателя настоятельно требовала внешнего проявления и находила его в манере общения и символических жестах поведения. Юрий Алексеевич, казалось, пребывал в непрестанной готовности отразить своим оружием любой выпад, направленный против Научной Истины, бережно им хранимой, и бросить перчатку вызова каждому, кто обращался к ее поиску без надлежащего упорства, истового, ревностного рвения, тщательности и самоотречения.

Впрочем, при этом ему совершенно не были свойственны начетничество, догматизм, нетерпимость к мысли собеседника, он не навязывал свое мнение, но приглашал к соразмышлению, совместному поиску, призывал к самостоятельной мысли, а не бездумному преклонению перед авторитетами. Этим он отчасти напоминал античного философа с его перипатетической манерой обучения, когда во время прогулки по рощам Академии или Ликейя Учитель ненавязчиво, в форме вопросов и ответов

подводил учеников к собственной мысли. Он лишь указывал на дверь, ведущую к знанию, и помогал приоткрыть ее, пройти же в нее каждый из учеников должен был сам. Действительно, любые проводившиеся Ю. А. Голубкиным занятия живо напоминали такую высокоинтеллектуальную прогулку по саду Науки в поисках манящих цветов Истины.

Одним из ярких примеров приема мнемотехники, которые привлекали студентов на его лекциях по истории позднего средневековья, была фраза: «Расцвел цветок шафрана, увял итис Германии», в образной форме позволявшая легко запомнить, в каких европейских странах процесс развития капитализма оказался необратимым (шафран – Швейцария, Англия, Франция, Нидерланды), а в каких его процессы замедлялись, сворачивались и даже поворачивали вспять (итис – Италия, Испания). В этом поэтическом сравнении проявился и присущий Юрию Алексеевичу дар художественного слова, и годами оттачивавшееся мастерство талантливого преподавателя, и некие внутренние, не всегда осознававшиеся им самим особенности его естества. Одной из них была душевная молодость, не подверженная старению и огрубению, его душа не могла заостенеть, поскольку пребывала в непрестанном поиске Истины, причудливые цветы которой он неустанно собирал, взращивал и лелеял, словно утонченный юноша, изображенный на одной из фресок знаменитого Кносского дворца Минойской цивилизации на Крите.

Этот образ полумистической жизнерадостной античности не случаен для Юрия Алексеевича, ведь с 1978 г., времени создания на историческом факультете кафедры истории древнего мира и средних веков, он был ее преподавателем, тесно сотрудничая с коллегами-античниками. Как отмечал он сам, творческая атмосфера, которая всегда царила на историческом факультете Харьковского университета и на кафедре истории древнего мира и средних веков, в значительной мере благоприятствовала его профессиональному росту. На долгие годы он стал неперенным участником археологической экспедиции Харьковского университета, работавшей на античном поселении Маслины в Северо-Западном Крыму под руководством В. А. Латышевой. Узы близкой дружбы связывали его с Валерий Александровной, и именно он был ее главным помощником в решении всех бесчисленных организационных и бытовых вопросов, без которых не обходится работа ни одной полевой научной экспедиции.

В дружеской заботе и опеке по отношению к своей коллеге ярко проявилась еще одна характерная черта Юрия Алексеевича – рыцарское отношение к Даме. Он был в равной степени галантен и учтив с коллегами-преподавателями и студентками, но главными в его жизни всегда оставались мама Анастасия Ивановна и жена Лариса Николаевна

Назаренко, с которой он познакомился еще во время учебы в школе (в 9-м классе) в г. Луцке. Превратности армейской службы родителей (Л. Н. Назаренко также была родом из семьи военных) на долгие годы развели молодых людей, и тогда началась их многолетняя переписка, ставшая настоящим романом в письмах, перемежавшаяся встречами, когда они при малейшей возможности приезжали друг к другу. В 1973 г. состоялась их свадьба, и с тех пор Лариса Николаевна стала неизменным спутником Юрия Алексеевича и его ближайшим помощником.

Семья была для Ю. А. Голубкина одним из двух равных по своему непреложно высокому значению полюсов его жизни, и забота о близких была для него крайне важна. После ранней смерти двух своих младших братьев (Александра Алексеевича (1949 г. рождения) и Сергея Алексеевича (1955 г. рождения) он остался единственным мужчиной в роду, который поддерживал всех своих близких, особенно тепло, потечески опекал племянницу Аню. Другим полюсом, конечно же, была работа, преподавательская и научная, к которой он подходил в высшей степени ответственно.

Уже отмечалось, что Юрий Алексеевич воспринимал преподавательскую работу и научную деятельность как рыцарское и рыцарственное служение Прекрасной Даме, в котором недопустимы и даже греховны поспешность и небрежность, и что в немалой степени выработке такой позиции способствовал сам предмет его научных изысканий. Действительно, именно под влиянием глубокого изучения Германской Реформации, вдумчивого знакомства с выдающимися произведениями Мартина Лютера формировались его научные и жизненные принципы, жизненное кредо, своеобразный личный символ веры. Отстаивая его, Ю. А. Голубкин мог с полным на то правом повторить вслед за Лютером: «На том стою и не могу иначе».

Подобно тому, как Мартин Лютер ратовал за то, чтобы духовная жизнь каждого христианина основывалась на самостоятельном постижении Священного Писания, а не на слепом следовании толкованиям католических иерархов, Юрий Алексеевич своим примером призывал к скрупулезной работе с первоисточниками, их глубокому пониманию. Вполне закономерно в связи с этим, что, продолжив после защиты кандидатской диссертации работу по изучению Реформационного движения в Германии, исследователь преимущественное внимание уделил тщательным переводам произведений Мартина Лютера, в которых справедливо усматривал ключ к постижению духовного облика эпохи. В переводах для Ю. А. Голубкина не существовало мелочей, он мог долго подбирать слово, словосочетание или речевой оборот, наиболее точно передающие смысл переводимого текста, неоднократно возвращаясь к

уже переведенному отрывку, дотошно перепроверять и беспощадно править его.

В советское время с его пропагандируемым на государственном уровне атеизмом, нетерпимой политикой по отношению к Церкви и религии, заниматься этим было непросто, равно как и изучением церковно-религиозной проблематики в государственном высшем учебном заведении, поэтому многое писалось и переводилось для себя, «в стол». Однако и в этих предназначавшихся «для личного пользования» переводах Юрий Алексеевич был верен себе, не допуская поспешности и небрежности. Не удивительно, что уже в первые годы после распада Советского Союза появился подготовленный Ю. А. Голубкиным объемный сборник избранных произведений Мартина Лютера 1520–1526 гг. «Время молчания прошло» (Харьков, 1992 г.; второе издание – Харьков, 1994 г.), снабженный обстоятельным объемным историко-биографическим очерком и комментариями. Абсолютно заслуженно это издание вошло в десятку выделенных «Книжным обозрением» лучших книг года в номинации «Интеллектуальный бестселлер».

В значительной степени выходу в свет этого издания способствовали немецкие коллеги Ю. А. Голубкина, возможность активного сотрудничества с которыми появилась у него с начала 1990-х гг. Ключевую роль в этом сыграли поездки ученого в Германию для участия в международных научных конференциях «Будущее социализма в Европе» (1990 г.) и «Операция «Барбаросса»» (1991 г.). Именно здесь ему удалось, благодаря ярким фундированным выступлениям, привлечь внимание немецких коллег, и уже в 1992 г. он получил приглашение и принял участие в работе конференции переводчиков теологической литературы в Галле (Германия) и теологических собеседованиях в Гальнкойрхене (Австрия), а в 1993–1994 гг. прошел стажировку во Всемирной Лютеранской Федерации (г. Эрланген, Германия).

С того времени сотрудничество исследователя с немецкими коллегами, из которых сам Юрий Алексеевич с чувством глубокой благодарности всегда вспоминал Генерального секретаря Мартин-Лютер-Бунда доктора Петера Шелленберга и пастора Ульриха Кляйнхемпеля, вошло в постоянное русло и принесло в середине 1990-х – начале 2000-х гг. зримые и весомые плоды. Ими стали сопровождавшиеся основательными комментариями переводы произведений Мартина Лютера, двухтомная книга Генриха Фауселя «Мартин Лютер. Жизнь и дело» (Харьков, 1995–1996 гг.), перевод книг «Хорошего держитесь: Церкви и религиозные объединения в Российской державе, Советском Союзе и независимых государствах, возникших после его распада» (Харьков, 1998 г., два издания) и «Классики теологии. Эпоха Реформации и Контрреформации» (Харьков, 2005 г.) и многие другие проекты.

Неоспоримое научное значение этих переводов исследователя многократно усиливалось также их активной востребованностью среди русскоязычных лютеран, не знающих немецкого языка. Именно переводы Юрия Алексеевича открывали для них возможность ознакомиться с важнейшими для их веры религиозными текстами, и не будет преувеличением сказать, что Мартин Лютер во многом говорил с ними через посредство Ю. А. Голубкина и его словами. Подобно самому Лютеру, осуществившему перевод Библии на немецкий литературный язык и сделавшему ее доступной немецкому народу, Юрий Алексеевич делал произведения выдающегося реформатора доступными лютеранам, не знавшим немецкого.

Все это придавало переводчику сил и в то же время дополнительно усиливало его и без того высокую требовательность к себе, поскольку в теологических текстах важными были мельчайшие нюансы и оттенки смыслов и недостаточно точно употребленное в переводе слово могло непоправимо исказить мысль, высказанную автором текста. Отдельного упоминания в этом плане, помимо уже названных работ, заслуживает прежде всего сборник произведений Мартина Лютера «Жить и возвещать дела Господни» (Харьков, 2001 г.), содержащий Малый Катехизис, Большой Катехизис, послание о переводе и Шмалькальденские статьи.

Отточенное мастерство переводчика позволило Ю. А. Голубкину обратиться в это время также к переводу поэтических религиозных произведений – духовных песен, тем более что к этому его подготовил перевод второго тома книги Генриха Фауселя, содержавший значительное количество стихов, переведившихся Ю. А. Голубкиным совместно с его женой, Л. Н. Назаренко. После знакомства с этим переводом в Германии Юрий Алексеевич получил предложение пастора Ульриха Кляйнхемпеля перевести с немецкого языка сборник духовных песен, и в середине 1990-х был подготовлен и вышел из печати «Русско-немецкий сборник духовных песен» (Эрланген (ФРГ), 1995 г.), содержавший совместные переводы Юрия Алексеевича и Ларисы Николаевны. Подготовленные ими переводы оказались настолько мастерски выполненными, что 15 из них включили в число 400 лучших переводов духовных стихов, положенных на музыку.

Наконец, в это время Ю. А. Голубкин на новом, еще более глубоком уровне обратился к изучению истории Реформации в Германии, жизненного пути и творческого наследия Мартина Лютера. В кратком биографическом очерке памяти Юрия Алексеевича Голубкина сложно детально проанализировать его научное наследие, и, очевидно, этому анализу место в отдельных специальных работах, однако можно выделить два достаточно явственно обозначенных, значительных периода научного творчества историка: 1970–1980-е гг. и вторая половина 1990-х – 2000-е гг.

При этом именно второй из выделенных этапов представляет наибольший интерес, поскольку написанные тогда работы были подготовлены историком в пору наивысшего развития его интеллектуального потенциала.

В 1990-е гг. началось также сотрудничество Юрия Алексеевича с Харьковской лютеранской общиной, куда впервые он был приглашен после выхода книги «Время молчания прошло» по инициативе основателя общины Николая Геральдовича Кожушкова для выступления с лекцией о Мартине Лютере. С того же времени Ю. А. Голубкин выступил редактором многотомного собрания сочинений Митрополита Харьковского и Богодуховского Никодима (Н. С. Руснака), с которым его связывали теплые отношения и длительная совместная работа над богословско-философским журналом «Віра і розум».

Тесно сотрудничал Юрий Алексеевич с еще одним харьковским периодическим изданием – историко-культурологическим сборником Восточного института украиноведения имени Ковальских «Схід–Захід» (главный редактор – профессор В. В. Кравченко, директор Института и заведующий кафедрой украиноведения Харьковского университета). Ю. А. Голубкин выступил в качестве переводчика с немецкого «Історії України та українських козаків» Й.-Х. Энгеля, последовательно, по частям печатавшегося в каждом новом выпуске сборника.

К этой своей работе Юрий Алексеевич подходил столь же ответственно, как и к своим основным научным штудиям, не делая никакого различия между предисловием к книге Митрополита Никодима, уточнением особенностей перевода на украинский язык сочинения Й. Х. Энгеля или публикацией совместно с А. С. Голубкиной рукописей известного дореволюционного харьковского историка М. М. Лунина, подготовкой очередной фундаментальной статьи о Мартине Лютере или переводом его сочинений.

Столь же требовательным был Ю. А. Голубкин и к своим ученикам, писавшим под его руководством курсовые и дипломные работы, готовившим к защите кандидатские диссертации. Под руководством Юрия Алексеевича были защищены три диссертации на соискание научной степени кандидата исторических наук: В. А. Дятлова «Реформационное движение в городах Саксонии и Тюрингии в 1521–1524 гг.» (1983 г.), А. А. Гаврюшенко «Филипп Меланхтон: гуманист и реформатор (1517–1524 гг.)» (1988 г.)^{*} и С. А. Карикова «Реформация и становление Евангелической Церкви и школы в Брауншвейге» (2006 г.).

^{*} Вторым научным руководителем В. А. Дятлова и А. А. Гаврюшенко выступил заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков профессор В. И. Кадеев, что было необходимо прежде всего для соблюдения формальных требований и официального утверждения тем диссертационных исследований по истории религии, крайне неохотно пропускавшихся в те времена учеными советами.

Все они, в немалой степени именно благодаря скрупулезности научного руководителя, тщательно отбирившего своих учеников и настойчиво требовавшего от них высочайшего качества работы, придирчиво знакомясь с текстом исследования и нередко весьма вьедливо его критикуя, стали весомым вкладом в изучение Реформации в Германии.

Но далеко не только на научном и преподавательском поприще следовал Ю. А. Голубкин единожды избранному символу веры. Он не делил жизнь на значимые и менее значимые части, высокая требовательность и принципиальность, сочетаемые с глубочайшей личной скромностью и повышенным чувством справедливости, были важнейшими составляющими его повседневной жизни, отношений с друзьями, коллегами, студентами. Нередко лишь он один брался выступить по наболевшему вопросу и открыто высказать то, о чем многие думали, но по той или иной причине не решались или не считали нужным озвучить.

Случалось, Юрий Алексеевич отстаивал свою позицию без малейшей надежды на успех, прекрасно понимая заведомую невозможность поступить по совести там, где придется действовать сугубо рационально и формально. Он не отступал даже тогда, когда видел, что его выступление лишь навредит ему самому и ничем, кроме моральной поддержки, не поможет человеку, которого он брался защищать. Видимо, единожды надетые рыцарские доспехи не допускали иного *modus vivendi*, чем бросить одну перчатку в качестве вызова в лицо несправедливости для того, чтобы иметь возможность бережно сохранить шафранный цветок совести в другой.

Коллегам и ученикам на историческом факультете Харьковского университета и кафедре истории древнего мира и средних веков будет болезненно не хватать того тихого голоса совести, который и сейчас звучит при мысли о том, как бы повел себя и что сказал бы в той или иной трудной ситуации нелегкого морального выбора Юрий Алексеевич Голубкин.

Hierstehe ich und ich kann nicht anders.

So wahr mir Gott helfe!

А. Н. Домановский

